

— Императорский батюшка, ну что вы всё говорите о том, чего я совсем не понимаю? — Сяо Яньцзи, стоявшая рядом с Юнцзи, уже давно потеряла всякое терпение.

Она страшно досадовала: стоило отцу переступить порог, как он даже не взглянул на неё, не заговорил с ней, а сразу направился к сыновьям этой змеи-императрицы! Что толку разглядывать этих сопляков? А другие принцы развели какую-то нудную, непонятную волынку. Сплошная скука! И батюшка их ещё хвалит, а Юнцзи — ни единого доброго слова, хотя то, что говорил тот, она тоже не поняла ни шиша.

Слова девицы навлекли на неё целую бурю презрительных взглядов, но зато привели в себя погружённых в раздумья Иньжэна и Хунши.

Вновь и вновь прокручивая в голове ответы принцев, Иньжэн окончательно убедился в том, кем они были в прошлых жизнях. Он опустил голову и горько, тоскливо усмехнулся. Что ж, кажется, каждый из них в итоге получил то, чего желал!

Канси же, оправившись от потрясения, воззрился на хлопающую глазами Сяо Яньцзи. В груди его вскипела глухая неприязнь. И куда только смотрел Хунли? Как можно было приблизить к себе столь неотесанную, вульгарную девку?

Заметив стоявшего неподалёку Цзи Сяоланя, Канси ледяным тоном спросил:

— И чему же принцесса Хуаньчжу научилась за эти дни?

От этого голоса Цзи Сяоланя прошиб холодный пот.

"Ох, Ваше Величество, — мысленно взмолился он, — будто вас здесь не было в её первый день! Вы же сами без конца нахваливали её... чудачества. Нам и так хватало двоих выскочек, которые вечно раздували важность из ничего, а теперь к ним добавилась эта непрошибаемая принцесса! За последние дни Императорская школа превратилась в балаган для простолюдинов. Неужели вы не заметили, сколько столов пустует?"

Но раз государь вопрошает, подданный обязан ответить, даже если это грозит ему плахой.

— В ответ на расспросы Вашего Величества, — почтительно склонился Цзи Сяолань, — принцесса Хуаньчжу в последние дни под руководством пятого принца усердно осваивает крылатые выражения.

Канси лишь безучастно кивнул — он спросил об этом мимоходом, без всякого умысла. Однако те трое заволновались, разрываясь между радостью и тревогой: радовались они тому, что Сяо Яньцзи по-прежнему пользуется милостью императора, но их пугал холод, исходивший от

остальных присутствующих. Юнци особенно тревожился. Он безумно боялся, что его бесхитростную подопечную ранят злые языки. Ведь в этих дворцовых стенах искренности и невинности не было места!

Сам же Канси думал совершенно о другом. За последние дни он успел прибрать к рукам государственные дела и в свободные минуты расспросил Гао Уюна обо всех раскладах в гареме и при дворе. Он уже наметил планы на будущее для своих «правнуков». Поначалу он думал, что ему придётся долго присматриваться к их характерам, но теперь понимал: в этом нет нужды. Сильные и слабые стороны своих сыновей он изучил ещё в прошлой жизни.

Взгляд Канси скользнул по Иньчжэню. Тот, запертый ныне в теле маленького мальчика, сидел со своим извечным постным выражением лица, что невольно вызывало улыбку. Иньсы сохранял безупречные манеры благородного мужа. У Иньсяна и в этой жизни ноги оказались слабыми, благо хоть ходил он лишь слегка прихрамывая. Наконец, взор императора остановился на нём — статный двадцатилетний юноша выглядел в стенах школы слишком зрелым.

Канси вновь мысленно выругал непутёвого Хунли: парень уже покинул дворец и обзавёлся собственным поместьем, а его всё заставляли ежедневно просиживать штаны за учёбой вместо того, чтобы дать настоящее дело! Впрочем, в прошлой жизни трое из них воспитывались у одной матери, а теперь и вовсе стали родными братьями — истинно буддийское предопределение.

Глядя на этих четверых, когда-то столь любимых им сыновей, и вспоминая былую вражду, когда рухнули все семейные узы, Канси тихо вздохнул про себя. Что ж, пришло время жить в ладу. Он мягко, почти по-отечески улыбнулся, и голос его прозвучал на редкость тепло:

— Юньчэн, Юньжун, вы показали отличные успехи. Пожалуй, вам пора поручить настоящие государственные дела. Юньсюань, Юньсин, вы тоже усердны и радуете меня!

Этот непривычно мягкий тон заставил четверых принцев затрепетать от волнения. Впрочем, один обойдённый вниманием юноша заволновался ещё сильнее.

Иньсы крепко сжал губы.

"Когда-то давно я готов был положить жизнь ради одного лишь искреннего одобрения со стороны отца. И теперь, услышав его воочию, я чувствую, как давно онемевшее сердце вновь забилося живым, горячим ключом... Изумительное, горькое чувство"

Иньчжэнь по-прежнему сидел с опущенной головой, являя собой образец невозмутимости.

"В моей душе смешались и радость от встречи со старыми соперниками, и глубокое удовлетворение от похвалы отца, но сквозь них пробивается тихая, щемящая грусть"

Иньсяна же захлестнула лавина чувств.

"Обида и горечь долгих лет заточения, в которых я когда-то винил отца, а также холодное отчуждение последних лет нашей совместной жизни — всё это разом растаяло без следа. Спокойно, только спокойно, — твердил я себе, — вокруг слишком много лишних глаз..."

Его била крупная дрожь, и лишь титаническим усилием воли он заставлял себя держать лицо.

Иньчжэнь, бывший в прошлой жизни Четырнадцатым принцем, слушая императора, ощутил прежде всего укол застарелой обиды.

"Ведь в свои последние дни отец фактически отбросил меня, превратив в послушное орудие для передачи власти новому монарху. И теперь, сталкиваясь с неожиданной лаской, я попросту не знаю, как себя вести..."

Самым же уязвлённым оказался пятый принц Юнци, искренне полагавший себя венцом творения. Разбалованный слепой любовью Цяньлуна, готового ради него достать луну с неба, он привык быть непререкаемым любимцем. Везде, где он появлялся, остальные превращались лишь в блёклый фон. Но сегодня... как отец посмел проигнорировать его? Да ещё и обозвать его недавнюю пламенную речь «пустословием» и «полным невежеством в делах управления»!

Юнци буравил Канси яростным взглядом, словно немо упрекая:

"Отец, как ты мог опуститься до такой мещанской пошлости? Куда делся твой возвышенный, благородный дух? Почему ты стал таким?"

Стоящие подле Юнци поспешили незаметно отодвинуться, не в силах выносить исходившие от него волны пафосной скорби.

Канси и его сыновья одновременно раздраженно поморщились. Великие предки, как вообще Хунли воспитывал этого парня? Словно капризную девицу на выданье! Да даже императорским дочерям предписывалось вести себя скромно и чинно, а этот...

Пока у других разыгрывалась эта семейная идиллия, Иньжэн почувствовал, как его бьёт крупная дрожь. В его груди не было жгучей обиды или разочарования — лишь глухая, удушающая тоска. Тени прошлого вновь замелькали перед мысленным взором.

"Сегодняшнее благодушие государя завтра может обернуться беспощадной опалой и предательством — я слишком хорошо знаю, как тонка грань между милостью и вечным изгнанием. Кто прав, кто виноват, теперь не разобрать"

Иньжэн прикрыл веки, пытаясь унять смятение в душе.

Хунши незаметно сместился вбок, закрывая плечом Иньжэна. Перед лицом императора все стояли низко склонив головы, так что Хунши не смел делать резких движений. Он лишь украдкой косился на лицо названного брата, силясь разглядеть его выражение, но тщетно. Тревога когтями скребла сердце.

Никогда прежде Хунши не испытывал к покойному деду такой глухой вражды. В прошлой жизни он смотрел на вещи трезво: выделиться среди сотни внуков великого Канси и заслужить хотя бы мимолётный его взгляд казалось делом почти безнадёжным — куда важнее было привлечь внимание собственного строгого отца. О самом Канси у Хунши остались лишь смутные воспоминания с редких новогодних пиров. И пусть изощрённая жестокость державника некогда заставляла содрогаться, лишь теперь, видя страдания Иньжэна, Хунши по-настоящему осознал всю глубину их семейной трагедии.

Набравшись смелости, он протянул руку под широким рукавом и осторожно коснулся пальцев Иньжэна, слегка сжав их.

Иньжэн вздрогнул, но тут же мягко переплёл свои пальцы с его. Глядя на мальчика, который незаметно заслонил его от грозного владыки, он моргнул, прогоняя невольные слёзы благодарности.

"Действительно, к чему снова загонять себя в этот тупик? Сейчас у меня есть те, кто по-настоящему дорог. И в жалкой, вымученной милости старого императора я более не нуждаюсь!"

Тяжёлую, натянутую до предела атмосферу в зале нарушила всё та же неугомонная принцесса Хуаньчжу. В знак искренней признательности за это избавление Хунши мысленно пообещал урезать порцию отравы, которую планировал подсыпать в Кабинет Очищения Ароматов, ровно на треть.

Сяо Яньцзи тоже ощутила неладное, но слишком свежа была память о безграничной доброте прежнего Цяньлуна. Позабыв об осторожности, она вспорхнула вперёд. Обнять государя за руку она всё же не решилась, а лишь по-детски капризно потерела край его расшитого драконами рукава:

— Императорский батюшка, ну почему ты совсем перестал навещать свою Сяо Яньцзи?

Присутствующие едва сдержали судорожный вздох. Какая неслыханная дерзость!

Воскресшие принцы синхронно отвели взгляды, мысленно призывая Будду даровать им терпение.

"Девка истинно ищет своей смерти..." — пронеслось в их головах.

Канси лишь криво усмехнулся, не желая тратить время на пустые пререкания:

— И какие же идиомы ты успела вызубрить, Сяо Яньцзи?

Та удивлённо моргнула и легкомысленно прыснула:

— Да всякие там... про брёвна и баранов!

Под леденящим взглядом императора её весёлый щебет становился всё тише и тише. Пятясь мелкими шажками, она укрылась за спиной Юнцзи, жалобно глядя на своего заступника.

Юнцзи, разумеется, не заставил себя ждать:

— Императорский батюшка...

— Юнцзи, — резко оборвал его Канси. — Обучение Сяо Яньцзи отныне ложится на твои плечи. Если она не покажет успехов, отвечать будешь лично ты!

Услышав, что теперь он может совершенно открыто проводить время с любимой, Юнцзи просиял. Его голос задрожал от восторга:

— Премного благодарен, батюшка!

Сяо Яньцзи тоже приободрилась. Она хитро прищурилась и звонко спросила:

— Батюшка, значит, мне больше не придётся приходить в эту жуткую каторгу?

Канси не удостоил её ответом, лишь устало махнул рукой. Юнцзи, схватив Сяо Яньцзи, наскоро поклонился вместе с толпой следовавших за ними слуг-баои, после чего оба умчались прочь, точно ураган. Из коридора ещё долго доносился залиvistый смех девицы:

— Какое счастье! Наконец-то не надо вставать ни свет ни заря и торчать в этой унылой дыре!

Канси сердито зыркнул на стоящего с понурой головой Иньчжэня, в сотый раз проклиная непутёвого внука:

"Мерзавец Хунли! Каких идиотов вырастил!"

Взмахом широкого рукава император объявил:

— Четвёртый принц, Шестой, Восьмой и Одиннадцатый — за мной. Остальные продолжают занятия.

Под почтительный хор голосов Канси удалился в сопровождении четверых сыновей. Никто не обратил внимания на то, как побледнели лица двух самых младших принцев. Впрочем, даже заметить кто этот жест, его сочли бы за обычную зависть — во дворце благосклонность монарха ценилась превыше жизни.

Цзи Сяолань тяжело вздохнул. В классе воцарился полный разброд: большинство учеников откровенно витали в облаках, а сделать им замечание он не смел. Прикрывшись раскрытой книгой, учитель скользнул взглядом по пустому столу Юнцзи и вдруг оживился. Если Юнцзи действительно теряет влияние при дворе — это же истинное благословение для всей империи! С этой приятной мыслью почтенный наставник и сам погрузился в грёзы.

Иньжэн лежал на кушетке совершенно без сил. Хунши в тревоге так и вился вокруг него, не зная, как подступиться и какими словами облегчить его душу. Иньти ушёл к себе и ещё не возвращался, так что помочь было некому. Звать его Хунши не решался: никто не мог предугадать, что старый император Канси возродится в теле Хунли. Теперь, когда Служба прилипающих шестов вновь набрала силу, любое неверное движение могло стать роковым. Больше всего Хунши опасался, что импульсивный Хунси не сдержит себя и наделает глупостей.

Налив из кувшина тёплой медовой воды, Хунши бережно понёс чашу к кушетке. Видя, как Иньжэн свернулся беззащитным клубком, точно брошенный котёнок, он невольно ощутил прилив сочувствия к старшему дяде Иньти.

"Нам обоим приходится несладко, пытаюсь уберечь этих двоих от новой беды!"

Хунши укорял себя за то, что отпустил Иньти из дворца. Случись что с Хунси, он мог бы пойти сам, а присутствие старшего дяди сейчас наверняка успокоило бы мятущуюся душу Иньжэна.

Пристальный, полный немого укора взгляд Хунши сделался настолько невыносимым, что Иньжэн наконец открыл глаза. Тихо усмехнувшись, он поманил мальчика рукой:

— Хунши, подойди. Перестань метаться как ошпаренный, у меня уже голова кругом идёт от твоих блужданий.

Хунши давно привык к язвительным прозвищам своего названного брата. Он послушно опустил на край кушетки, но от этих слов всё же подскочил на месте. Ох и остёр же на язык этот человек! Впрочем, на душе у Хунши стало немного легче: раз у Иньжэна ещё оставались силы для колкостей, значит, он постепенно справлялся с потрясением.

Сунув чашу с медовой водой прямо в ладони Иньжэна, Хунши отвернулся, чтобы налить себе отвара из лотосовых листьев, и потому не заметил, как зажатые за спиной пальцы Иньжэна

побелели от напряжения.

Глубокой ночью у Иньжэна начался сильный жар, который всё никак не хотел спадать.

<http://bllate.org/book/18338/1864886>